

ТЕРРАСЕН

Северное море

⌘

• Перрант

• Меа

Великий океан

в Вендалин

ФЕНХАРУ

• Бельхэвен

Мертвые острова

Бухта Черепов

• Калакулла

ЭЙЛУЭ

• Банджали

Эридея

ПРИНЦ

Он начал разыскивать ее с первых мгновений разлуки. Сразу как узнал, что она похищена.

Ее. Свою истинную пару.

Он почти забыл собственное имя. Вспоминал его, лишь когда к нему обращался кто-то из троих спутников, отправившихся вместе с ним на поиски. Ее искали на просторах бушующих темных морей, среди древних, погруженных в спячку лесов и на склонах продуваемых всеми ветрами гор, что успели покрыться снегом.

Его привалы были вынужденными: накормить тело, требовавшее еды, и дать выспаться спутникам. Если бы не они, он бы летел без отдыха.

Но он сознавал: прежде чем все это кончится, ему не раз понадобится мощь их оружия и магической силы, их мудрость и находчивость.

Прежде чем он окажется лицом к лицу с темной королевой, которая напала на самую сокровенную часть его существа и похитила его истинную пару, чтобы запереть в железный гроб. А когда с королевой будет покончено, настанет час сражения с бездушными богами, упрямо пытавшимися полностью уничтожить его истинную пару.

И потому он делил со спутниками проходившие дни. Затем недели.

Потом месяцы.

Поиски продолжались. Он по-прежнему разыскивал ее по всем пыльным забытым дорогам.

Иногда он обращался к ней по связующей нити, отправляя свою душу по ветру туда, где томилась его истинная пара.

«Я найду тебя», — говорил он ей.

ПРИНЦЕССА

Железо ее душило. Оно гасило огонь в ее жилах с той же непреклонностью, с какой гасит пламя железный ящик, если им накрыть костер.

Плеск воды она слышала даже в своем железном узилище, даже сквозь железную маску на лице и цепи, обвивавшие ее на манер шелковых лент. Рокот волн; нескончаемые удары водной стихии о камень. Эти звуки заполняли промежутки между ее криками.

Крошечный островок посреди реки, скрытой завесой тумана. Почти весь его занимала гладкая каменная площадка, окруженная порогами и водопадами. Это место похитители избрали для ее заточения. Ее заключили в каменный храм, построенный для какого-то давно забытого бога.

Она тоже предпочла бы забвение. Уж лучше так, чем если мир будет помнить о ее сокрушительном поражении. Если останутся те, кто знал о ее существовании. Если вообще кто-то останется.

Но пока что она не признавала себя побежденной. И не собиралась рассказывать похитителям то, о чем они жаждали узнать. И пусть порою ее крики заглушали яростный рев реки, а хруст костей перекрывал грохот воды на порогах.

Она пыталась следить за чередой дней, однако не знала, сколько ее держат в железном ящике. А долго ли продолжался ее вынужденный сон, навеянный сладковатым дурманящим дымом? Этот дым висел в воздухе на всем протяжении пути, пока ее везли сюда — на речной островок, в храм боли.

Не знала она и о том, велики ли промежутки между ее криками. Между откатом одной волны боли и приходом следующей.

Дни, месяцы, годы... они слились воедино, превратились в капли крови, что нередко вытекали из ее тела на каменный пол, а от туда — в реку.

Принцесса, которой было суждено прожить тысячу лет, если не больше.

Таков был ее дар, ставший проклятием.

Еще одним проклятием, столь же тяжким, как и другое, наложенное задолго до ее рождения в этом мире. Оно скрывалось под красивым словом «предназначение». Ей предстояло принести себя в жертву ради исправления чудовищной ошибки, совершенной в древности. Уплатить чужой долг богам, что неведомо когда попали в этот мир, оказались запертыми в нем, а затем начали им управлять.

Она не ощущала теплой руки богини, наделившей ее могущественной магической силой. Не из щедрости. Ради упомянутого долга. Известно ли той богине света и пламени, что ее подопечная ныне томится в железном ящике? Быть может, бессмертная богиня перенесла свое внимание на другого — на короля, который охотно пожертвует собой ради спасения этого мира?

Богов не волновало, кто именно заплатит долг. Они не явятся сюда и не спасут ее. Сознавая это, она не утруждала себя молитвами.

Но она продолжала рассказывать себе историю, воображая порою, что эту историю поведали ей река и тьма, обитающая внутри запечатанного железного гроба.

«В одной стране, давно уже сожженной дотла, жила-была юная принцесса, любившая свое королевство...»

И глубины тьмы несли ее в море пламени. Она погружалась так глубоко, что, когда щелкала плеть, когда трещали ее кости, иногда она этого даже не чувствовала.

Иногда. Но такие мгновения выпадали редко.

А в нескончаемые часы боли она сосредоточивала взгляд на своем спутнике.

Не на подручном королевы, умевшем извлекать из тела боль, как музыкант извлекает мелодию из струн. На громадном белом волке, прикованном к этому месту невидимыми цепями и обреченном быть свидетелем ее мучений.

Бывали дни, когда ей становилось невыносимо смотреть на волка. Когда она сама оказывалась в опасной близости от слома. И только история удерживала ее от рокового шага.

«В одной стране, давно уже сожженной дотла, жила-была юная принцесса, любившая свое королевство...»

Эти слова когда-то давно она говорила принцу.

Принцу из льда и ветра. Принцу, принадлежащему ей, как она — ему; это началось задолго до того, как они оба узнали о связи между их душами.

Теперь заботы о защите ее некогда славного королевства лежали на его плечах.

Принц, от которого пахло соснами и снегом. Запахами ее королевства, что она любила со всем неистовством своего пламенного сердца.

И даже когда темная королева являлась сюда и указывала подручному, как надлежит истязать пленницу, принцесса думала о нем. Держалась за воспоминания, как за скалу посреди бурлящей реки.

Темная королева с паучьей улыбкой пыталась обратить воспоминания против принцессы. Она ткала обсидиановую паутину, вплетая в каждый важный узел иллюзии и мечты. Королева пыталась исказить все воспоминания принцессы о принце, сделать их ключом к разуму пленницы.

Правда, ложь, воспоминания — все это странным образом перемешивалось в сознании принцессы. Сон и черное пространство в центре железного гроба. Дни, проведенные на каменном алтаре в середине помещения. Дни, когда она висела на потолочном крюке. Дни, когда ее держали на цепях, вделанных в каменную стену. Все это начинало терять ясность очертаний, расплываясь, словно капля чернил в воде.

Поэтому принцесса рассказывала себе историю. Темнота и пламя глубоко внутри ее подхватывали слова, становясь слушателями. Запертая в железном гробу, на затерянном островке посреди бушующей реки, принцесса неумоимо повторяла слова этой истории, пока вечная боль терзала ее тело.

«В одной стране, давно уже сожженной дотла, жила-была юная принцесса, любившая свое королевство...»

ЧАСТЬ 1

СОЮЗНИКИ
И ПРОТИВНИКИ

Снег нынче выпал рано — даже по меркам Террасена. Здешняя осень никогда не бывала затяжной, однако первые метели заметно опередили обычный срок.

Эдион Ашерир не знал, считать ли раннюю зиму благословением. Но если снежные заносы хотя бы на какое-то время задержат продвижение моратских легионов, он готов на коленях благодарить богов. Даже если эти боги угрожали всему, что он любил. И наконец, если существ из иного мира вообще можно считать богами.

Подумав об этом, Эдион решил, что у него есть более насущные заботы.

Вот уже две недели, как он воссоединился со своим легионом Беспощадных, и за все это время не обнаружил никаких признаков сил Эравана. Ни на суше, ни в воздухе. Через три дня после его возвращения повалил густой снег, что еще осложнило и без того медленное перемещение войск с кораблей армады на Фералийскую равнину, где раскинулся обширный лагерь Беспощадных.

Корабли поднялись вверх по реке Флури до самого Оринфа. На холодном ветру, дующем со стороны Оленьих гор, развевались флаги и знамена всех мыслимых цветов: кобальтовый с золотом от Вендалина, черный с малиново-красным — от Ансели из Верескового Утеса. Клан Боярышника и его многочисленную родню отличал переливчатый серебристый цвет. Молчаливые ассасины, рассредоточенные по разным кораблям флотилии, вообще не имели знамен. Впрочем, их и так было видно по цвету и покрою одежды, а также внушительному набору красивого и в то же время смертельно опасного оружия.

Корабли вскоре вернутся в устье Флурина, чтобы нести дозор вдоль побережья от Илиума до Сурии, а пехотинцы — в основ-

ном силы наследного принца Галана Ашерира — отправятся на фронт.

Нынче этот фронт лежал под толстым слоем снега. А настоящие снегопады еще впереди.

Эдион находился в укрытии над узким перевалом в Оленьих горах, на границе с Ручейным краем. Он смотрел в темное от туч небо и хмурился.

Меховой плащ Эдиона по цвету сливался с белыми и серыми окрестными скалами. Капюшон скрывал золотистые волосы и согревал голову. Вендалин лежал в теплых краях, и большинство солдат Галана вообще никогда не видели снега. То же можно было сказать и о знати клана Боярышника и их не столь многочисленных силах. Отправляясь сюда, Эдион оставил вместо себя Киллиана — опытного, верного командира, поручив тому заботиться об обогреве подкрепления.

Нелегко вдаль от дома сражаться за королеву, которую не знают и в которую, быть может, даже не верят. Холод, пробирающий до костей, способен быстро заморозить боевой дух и, наоборот, разжечь бунтарские настроения. Эдион это знал не понаслышке.

На другой стороне перевала что-то мелькнуло. Не знай он, куда смотреть, мог бы и не заметить.

По части маскировки Лисандра превосходила его. Но у нее было преимущество: она выбрала себе привычную для здешних мест одежду. Эдион ей об этом не говорил. Он вообще едва взглянул на нее, когда они отправлялись сюда на разведку.

Все это время Лисандре, наделенной способностями оборотня, приходилось играть роль исчезнувшей Аэлины. Сейчас «Аэлина» отбыла по какому-то тайному делу в Элдрис, о чем уведомила Галана и остальных своих новых союзников. Малая уловка на фоне большой, позволившая Лисандре отправиться вместе с разведчиками.

Меж тем большая уловка длилась уже два месяца. За это время Огненная королева, как называли Аэлину, даже в малой степени не проявила своего огненного характера. Удивительно, но этого никто не заметил. Никого не удивляло, что Аэлина и Лисандра нигде не появляются вместе. В прошлом многие не раз встречались с Аэлиной и жили бок о бок с нею. Например, Молчаливые ассасины из Красной пустыни. Галан Ашерир. Наконец, Ансель из Верескового Утеса, отправившая с армадой передовой отряд своей армии. Никто не обратил внимания на мелкие странности

в поведении, которых у настоящей Аэлины не было. И клейма на запястье «королевы» они тоже не разглядели. Какое обличье ни принимала бы Лисандра, клеймо оставалось на прежнем месте.

Правда, она умело прятала его под перчатками и длинными рукавами. Случайно вылезший краешек мог сойти за старый след кандалов.

Лисандра умело накладывала фальшивые шрамы везде, где они были у Аэлины. Столь же умело она подражала смеху королевы и зловещей улыбке, браваде и способности застыть на месте.

Эдион с трудом заставлял себя смотреть на Лисандру и говорить с нею. Но и ему приходилось поддерживать «стратегический обман». Делать вид, что он — ее верный двоюродный брат, бесстрашный командир, способный привести ее и Террасен к победе... в достижимости которой он сильно сомневался.

И потому Эдион играл свою роль. Одну из многих, какие ему довелось играть в жизни.

Но едва Лисандра меняла золотистые волосы на свои темные, а бирюзовые глаза Ашериров — на изумрудно-зеленые, Эдион забывал о ее существовании. В иные дни татуировки на его груди с именами королевы и ее складывающегося двора ему самому казались клеймом. Особенно имя Лисандры.

Взять Лисандру на разведку он согласился только потому, что с ней миссия становилась легче и безопаснее. Он ведь рисковал не только собственной жизнью. Эдион вполне мог бы остаться в лагере, отправив сюда людей из легиона, но ему не сиделось на месте.

Плавание из Эйлуэ в Террасен длилось более месяца. Возле Рафтхола пришлось уйти подальше в море, чтобы не столкнуться с флотом Мората. Продвижение по суше заняло еще пару недель.

И за все время — никаких сражений, если не считать стычек с разрозненными шайками опустившихся адарланских солдат, среди которых не было ни одного валга. Все столкновения оканчивались, едва успев начаться.

Эдион сомневался, что Эраван станет ждать до весны. И нынешнее затишье никак не зависело от погоды. Несколько дней назад Эдион совещался по этому поводу со своими командирами, а также с Дарро и еще несколькими влиятельными людьми. Скорее всего, Эраван дождется середины зимы, когда передвижение террасенской армии станет особенно затруднительным, а солдаты Эдиона устанут от снега и промерзнут насквозь. Весной Аэлина, проведя дерзкий и хитроумный маневр, сумела заполнить

громадные деньги на содержание террасенской армии. Но даже они не смягчат суровую террасенскую зиму.

Конечно, при наличии денег можно купить достаточно еды и теплой одежды, но, когда дороги погребены под снегом, что толку от золотых монет? Все золото Эрилеи не смогло бы остановить медленного, неумолимого истощения сил за месяцы пребывания в зимнем лагере, открытом безжалостным природным стихиям Террасена.

Дарро и другие местные правители не поверили его утверждению, что наступление Эравана может начаться в самые холодные зимние месяцы. Не поверили они и Рену Ручейнику, поддержавшему Эдиона. «Эраван отнюдь не дурак», — чуть ли не хором твердили они. Он не станет полагаться только на воздушный легион ведьм. А солдаты, даже если это валги, не смогут двигаться по снегу глубиной в десять локтей. Это был главный довод террасенской знати в пользу весеннего наступления Эравана.

Однако Эдион предпочел не искушать судьбу. Того же мнения придерживался и принц Галан. Во время встречи он молчал, но затем разыскал Эдиона и выразил ему свою поддержку. Оба решили: нужно позаботиться о теплых шатрах для солдат и сытной еде. Оба понимали, как важно сохранять высокую боеготовность отрядов, чтобы армия в любой момент могла двинуться навстречу противнику.

Разведывательная вылазка устраивалась с целью проверить сведения Рена. Если они подтвердятся, будет чем встряхнуть благодушествующую террасенскую знать.

Где-то поблизости заскрипела тетива. За ревом ветра ее звук был едва слышен. Наконечник и древко стрелы, выкрашенные в белый цвет, почти сливались с окружающей местностью. Лук Рена Ручейника был с убийственной точностью нацелен в сторону входа на перевал.

Эдион поймал его взгляд. Молодой герцог прятался среди камней, готовый вот-вот отпустить стрелу. Рен был в таком же плаще. Нижнюю часть лица скрывал светлый шарф. Эдион видел лишь две темные точки глаз и часть косоного шрама на щеке.

Кивком он приказал Рену обождать. Такой же приказ он отдал и Лисандре, едва взглянув в ее сторону.

Пусть враги подойдут ближе.

Послышался хруст снега, затем тяжелое дыхание.

Теперь пора.

Эдион вложил стрелу в лук и пригнулся, спрятавшись за выступом.

Пять дней назад в лагерный шатер Эдиона вбежала разведчица и доложила о шестерых замеченных врагах. Так и есть: все шестеро.

Они даже не пытались маскироваться под цвет снега и камней. Черные потрепанные меховые куртки среди ослепительной белизны Оленьих гор были видны издалека. Но еще красноречивее было их зловоние, принесенное ветром и достигшее ноздрей Эдиона.

Валги. Без каменных ошейников. В толстых рукавицах, под которыми не просматривалось каменных колец. Похоже, террасенская стужа пробирала даже демоническое отродье. Если не самих демонов, то захваченные ими смертные тела.

Враги были совсем рядом со входом на перевал. Стрела в луке Рена замерла. Перед занятием позиций Эдион распорядился: одного захватить живым.

И повезло же тварям найти этот перевал, полузабытый «черный ход» к низинам Террасена. Узкий — два всадника рядом едва проедут. От него давно отказались армии захватчиков и торговцы, намеревающиеся продавать свои товары на землях к северу от Оленьих гор.

Вот только кому продавать? Неужели там кто-то жил? Правильнее сказать, отваживался жить. Этого Эдион не знал, как не знал и причины, погнавшей валгских солдат так далеко в горы.

Ничего. Скоро узнает.

Отряд валгов уже двигался под скалами, где затаились Эдион и Рен. Оба бесшумно изменили положение луков.

Эдион выбрал себе цель, метя прямо в голову. Кивком подав сигнал Рену, пустил стрелу.

От черной крови, залившей снег, еще шел пар, когда сражение окончилось. Оно длилось считанные минуты. Ровно столько, сколько понадобилось стрелам Эдиона и Рена, чтобы поразить двоих врагов, а Лисандре, спрыгнувшей вниз, — разорвать еще троих. Шестому она лишь перекусила сухожилия на ногах.

Эдион подошел к уцелевшему демону. Тот стонал от боли. Снег возле его покалеченных ног совсем почернел. Ветер трепал окровавленные лоскуты кожи, будто порванное знамя.

Возле головы валга сидела Лисандра в обличье призрачного леопарда. Ее морда была черной от чужой крови. Зеленые глаза не отрывались от побелевшего лица демона. На могучих лапах блестели невероятно острые когти.

Рен проверял, не остался ли кто в живых. Его меч взлетал, отсекая очередную голову. Если не поторопиться, валгские шеи быстро окоченеют, и тогда меч их не возьмет.

— Рано обрадовались! — проверещал демон, узкое лицо которого было перекошено ненавистью.

Эдион задыхался в густом зловонии. Оно туманило обоняние и обволакивало голову липким масляным налетом. Эдион вынул длинный, устрашающего вида кинжал — подарок Рована из клана Боярышника.

— Если окажешься смышленным, все кончится быстро, — хмуро улыбаясь, пообещал он валгу.

Вражеский солдат плюнул на заснеженные сапоги Эдиона.

Родовой замок Ручейников стоял на самой границе Оленьих гор и Задубелого леса. Выстроили его давно, свыше пятисот лет назад.

В одном из многочисленных очагов замка, поражавших своими размерами, жарко пылал огонь. Эдиону не сиделось на месте. Он расхаживал взад-вперед. Серые камни хранили отметины каждой суровой зимы. Они же запечатлели изрядный груз истории замка. Память о годах доблести и служения, когда в этих залах звучала музыка и собирались воины. Помнили камни и последовавшие затем долгие годы печали и невзгод.

Рен сидел возле очага в кресле с истершейся и местами порванной обивкой. Уперев руки в колени, он смотрел на огонь. Сюда они добрались вчера, поздним вечером. Поход по утопающему в снегу Задубелому лесу измотал даже Эдиона. Прогулку по замку решили отложить на завтра... то есть на сегодня. Но после событий на горном перевале Рен сомневался, что у них с Эдионом хватит сил бродить по родовому гнезду Ручейников.

Очаг был единственным источником света. Дальние части некогда величественного зала скрывались в темноте. Над головой висели выцветшие шпалеры и знамена с гербом династии Ручейников. Вдоль одной стены тянулись высокие окна, из которых дуло, отчего шпалеры и знамена постоянно качались. Потолочные

балки облюбовали большие и маленькие птицы, нашедшие здесь спасение от беспощадных зимних холодов.

Среди птиц был и зеленоглазый сокол, вслушивающийся в каждое слово.

Рен перевел взгляд на стол с остатками их быстро проглоченной трапезы: бараньего жаркого с жареными овощами. Не ахти какая сытная пища, но хотя бы горячая.

— Если Эраван ищет путь в Террасен, глупее всего двигаться через горы, — нарушил молчание Рен. — Места здесь суровые. Малейшая оплошность может стоить жизни. Мороз, снег и ветры погубят изрядную часть его армии.

— Эраван ничего не делает просто так, — возразил Эдион. — Конечно, куда проще вторгнуться в Террасен из Адарлана. Там обжитые края, есть дороги. И все ждут, что его войска явятся оттуда. Или приплывут на кораблях и высадутся на террасенском побережье.

— Возможно одновременное наступление с суши и моря.

Эдион кивнул. Эраван широко раскинул свои сети, желая подавить все очаги сопротивления на континенте. Ему больше не требовалось маскироваться, сваливая свою тягу к завоеваниям на Адарланскую империю. Тень валгского короля с каждым днем ширилась, захватывая пространство от Эйлуэ до северной границы Адарлана и от берегов Великого океана до стены высоких гор, разделявших континент надвое. Эдион сомневался, что Эраван удовлетворится частью Эрилеи. Нет, валгский король не успокоится до тех пор, пока черный каменный ошейник не сдавит шею каждого.

Если Эраван завладеет двумя другими Ключами Вэрда, если сумеет открыть Врата Вэрда и оттуда в здешний мир хлынут орды с его жуткой родины и, быть может, порабощенные армии других миров... Если всю эту лавину он бросит на завоевание, растает всякая возможность его остановить. Как в здешнем мире, так и в любом другом.

Все надежды избежать ужасной участи нынче связывались с Дорином Хавильяром и Маноной Черноклювой. От них за все прошедшие месяцы Эдиону не поступило даже скудной весточки. Он считал это хорошим знаком. Выживание континента и всех, кто боролся с Эраваном, требовало строжайшей тайны.

— Хоть Эраван и не бережет солдат, жертвовать разведывательным отрядом ради поиска узких горных перевалов... — сказал Эдион, почесывая щеку. — Мне это кажется безрассудством.

Щека успела покрыться щетиной. Вчера они двинулись в путь рано утром, и он предпочел пожертвовать бритьем ради лишних минут сна.

— С точки зрения стратегии это бессмыслица. Ведьмы, летая на драконах, увидели бы гораздо больше. Посылать разведчиков изучать здешние ущелья и перевалы — занятие почти бесполезное. Даже если сведения предназначались для наземных отрядов... Переход войск через узкие перевалы растянется на месяцы, не говоря уже о потерях из-за суровой зимы.

— Их разведчик смеялся до упаду, — сказал Рен, потряхнув длинными темными волосами. — Спрашивал нас: чего мы тут забыли? Чего не видели?

В свете очага шрам на лице Рена делался еще заметнее. Напоминание о перенесенных ужасах и о его близких, не доживших до этого дня.

— Возможно, это уловка, чтобы заставить нас гадать о замыслах Эравана. Или даже заставить перегруппировать наши войска.

Эдион положил руку на полку над очагом. Теплый камень согревал ладонь.

Все месяцы, пока Эдиона не было в Террасене, забота о поддержании боеготовности легиона Беспощадных лежала на плечах Рена. Вместе с Киллианом они старались отвести легион как можно дальше от Оринфа, насколько позволял поводок Дарро. Увы, поводок оказался весьма коротким и оканчивался сразу за холмами на южном краю Фералийской равнины.

Затем Рен безропотно передал командование Эдиону. Встреча младшего Ручейника с «Аэлиной» была даже не прохладной. Холодной как снег, кружащийся за стенами замка.

Лисандра прекрасно играла свою роль, великолепно изображая чувство вины, снедавшее Аэлину, и присущую королеве нетерпеливость. Лисандра умело избегала любых ситуаций, где мог возникнуть разговор о прошлом. Впрочем, и Рен не выказывал желания вспоминать годы, предшествующие падению Террасена, или события прошлой зимы.

Эдион мог лишь надеяться, что и Эраван ничего не знает об исчезновении Огненицы. О том, какие слова скажут террасенские солдаты и как поведут себя, обнаружив, что пламя Аэлины не защищает их во время битвы, он не хотел даже думать.

— Возможно, этот маневр был настоящим, и нам повезло вовремя раскрыть их замыслы, — принялся рассуждать вслух Рен. —

Но рискнем ли мы переместить войска поближе к перевалам? Часть отрядов уже находится вне Оринфа, в Оленьих горах, а также на равнинах за столицей.

Рен сделал умный ход — добился позволения Дарро отвести часть легиона Беспощадных за пределы Оринфа, на случай если Эраван высадится значительно севернее и ударит оттуда. У Эдиона не хватило бы выдержки объясняться с таким придурком, как Дарро.

— Я не хочу чрезмерного распыления Беспощадных, — сказал Эдион, вглядываясь в пламя.

Как же оно отличалось от магического огня Аэлины! По сравнению с ее магией — лишь иллюзия огня.

— И не будем забывать: войск у нас по-прежнему недостаточно.

Невзирая на дерзкие, отчаянные маневры Аэлины, численность ее союзников заметно уступала совокупной мощи сил Мората. И добытое золото не могло купить им новых. На континенте почти не осталось тех, кого можно было щедрыми посулами вовлечь в борьбу с Эраваном.

— Когда Аэлина отправлялась в Элдрис, она не показалась мне слишком отягощенной заботами, — пробормотал Рен.

Эдион вдруг увидел залитый кровью песок... Железный ящик, куда Маэва затолкала настоящую Аэлину, а потом уплыла в края, известные одной лишь богине Мэле, прихватив бессмертного истязателя из своей свиты.

Собственное вранье колом стояло у Эдиона в горле, но он заставил себя сказать, намеренно растягивая слова:

— У Аэлины есть замыслы, о которых она нам рассказывает, только когда сочтет, что подошло время.

Рен молчал. И хотя королева, вернувшаяся в Террасен, была поддельной, Эдион добавил:

— Все ее действия направлены на благо Террасена.

Эдиону вспомнилось, какие жуткие слова он говорил Аэлине в день ее сражения с илками. «Где наши союзники?» — запальчиво, со злостью спрашивал он тогда. Он до сих пор старался простить себя за сказанное. За все резкие слова в ее адрес. И единственным шансом исправить положение было сделать то, о чем просила Аэлина, — спасти их королевство.

Рен мельком взглянул на парные мечи, брошенные им на старинный стол за креслом.

— И все же она предпочла исчезнуть.

Эдион понял: речь шла не о «поездке» в Элдрис, а о событиях одиннадцатилетней давности.

— За те годы мы все успели наделать ошибок.

Боги свидетели, у Эдиона таких ошибок было предостаточно. Жизни не хватит, чтобы их исправить и искупить вину.

Рен напрягся, словно прошлое вгрызлось ему в спину.

— А я ведь ей не рассказал, — почти шепотом произнес Эдион — сокол на балке мог и не услышать его слов. — Про ту курильню дурмана в Рафтхале.

Эдион скрыл от Аэлины, что Рен был знаком с хозяйкой заведения и частенько навещался туда. И туда же Эдион с Шаолом приволокли тяжело раненного Рена, чтобы спрятать его от королевских солдат.

— Порою ты бываешь сущим мерзавцем. Ты это знаешь? — спросил Рен, голос которого сделался хриплым.

— Я бы никогда не обратил эти сведения против тебя.

Эдион спокойно выдержал неистовый взгляд Ручейника-младшего. Пусть знает пределы своей праведности. Увидев, что Рен порывается заговорить, Эдион его опередил:

— Твое самообладание лопнуло раньше, чем я договорил до конца. А хотел я сказать вот что. Аэлина предложила тебе место при дворе, ничего не зная об этой стороне твоего прошлого.

На виске Рена дернулась жилка.

— Но даже если бы она и знала, то все равно позвала бы тебя ко двору.

Рен уперся взглядом в каменный пол:

— Нет у нас никакого двора.

— Дарро может вопить об этом сколько пожелает, но я позволю себе с ним не согласиться, — сказал Эдион усаживаясь напротив Рена.

Если Рен по-настоящему поддержит Аэлину... Да еще теперь, когда объявилась Элида Лошэн, можно рассчитывать на поддержку Соэла и Равэна из Сурии. Итого — три голоса за Аэлину при четырех против.

Лисандра тоже проголосует «за», но вряд ли террасенская знать учтет голос новоиспеченной владелицы Караверы.

Женщина-оборотень не просила показать ей земли, которые будут принадлежать ей, если она и все остальные уцелеют в этой войне. По пути сюда она из призрачного леопарда превратилась

в сокола и где-то летала. Вернувшись, не сказала ничего, но ее зеленые глаза ярко блестели.

Нет, Караверру признают герцогством, только когда Аэлина воссядет на террасенском троне... Или пока это не сделает сама Лисандра, если его королева не вернется.

Она вернется. Должна вернуться.

В дальнем конце зала открылась дверь. Послышались быстрые легкие шаги. Эдион едва успел вскочить, как под сводами разнеслось радостное «Эдион!».

Венга улыбалась во весь рот. На ней была теплая одежда из зеленой шерсти, отороченная белым мехом. За спиной болтались две золотисто-рыжие косы. Так выглядели все девчонки ее возраста, живущие в гористых местах Террасена.

Улыбка растягивала и шрамы на лице Венги. Эдион раскинул руки, и Венга ткнулась ему в грудь.

— Мне говорили, вы все появились вчера поздно вечером, а сегодня куда-то отправились ни свет ни заря. Я боялась, что так никого и не увижу.

— Помнится, когда я видел тебя в прошлый раз, ты была пониже. — Эдион поцеловал девчонку в макушку. — За это время выросла на целый локоть.

Лимонно-желтые глаза Венги вспыхнули. Она посмотрела на него, затем на Рена:

— А где...

Последовала яркая вспышка света, и перед Венгой появилась Лисандра. Она сама вся светилась, спешно набрасывая на голое тело плащ, предусмотрительно оставленный на стуле. Венга бросилась в объятия к своей любимице, всхлипывая от радости. Ее плечи вздрагивали. Лисандра нежно и ласково улыбалась.

— Как ты тут? — спросила она, поглаживая золотисто-рыжеватую голову.

На посторонний взгляд женщина-оборотень выглядела спокойной и даже безмятежной. Но Эдион хорошо ее знал; знал перепады настроения и тайные признаки, позволявшие судить об истинном состоянии Лисандры. Легкая дрожь в голосе указывала на яростную бурю, бушующую в душе этой красивой женщины.

— Я? Чудесно. — Венга улыбнулась Рену. — Рен с господином Муртагом вскоре привезли меня сюда. Ну и Быстроногую тоже. Сейчас она осталась с Муртагом. Даже сюда не пошла. Его она

любит больше меня. Еще бы! Он балует ее всякими вкусностями. Она совсем в толстую ленивую кошку превратилась.

Лисандра засмеялась. Венга улыбнулась. Чувствовалось, здесь баловали не только Быстроногую.

Сообразив, кого надо благодарить, Лисандра промурлыкала Рену:

— Спасибо за заботу.

Слегка покрасневший Рен встал:

— Я подумал, что здесь Венге будет безопаснее, чем в военном лагере. По крайней мере, удобнее.

— Лисандра, это просто сказочное место! — защebetала Венга, обеими руками вцепившись в руку Лисандры. — Муртаг меня однажды даже в Караверру свозил. Но это было еще до снегопадов. Ты должна это видеть. Холмы, реки, чудесные деревья. А вокруг горы. Я даже видела горного леопарда, прячущегося между скал, но Муртаг назвал это игрой моего воображения. Но честное слово, леопард был настоящим. И крупнее твоего. А какой дом! Чудесный-расчудесный. Позади — сад с каменной оградой. Муртаг говорил, летом там полным-полно роз и разных овощей.

На мгновение Эдиону стало невыносимо смотреть на выражение лица Лисандры, слушавшей о грандиозных замыслах Венги по части дома и сада. Пронзительная тоска по жизни, которую, скорее всего, ей так и не увидеть. И не только ей.

Эдион повернулся к Рену. Ручейник-младший зачарованно взирал на Лисандру. Так было всякий раз, когда она возвращалась в человеческое обличье. Преодолевая сильное желание промолчать, Эдион все-таки сказал:

— В таком случае вы с Муртагом готовы признать права Караверры.

Венга продолжала свою веселую болтовню, но Лисандра почти не слушала ее.

— В Ручейном герцогстве распоряжаемся мы с дедом, а не Дарро, — только и ответил Рен.

Конечно. И кто бы отказался от такой прекрасной соседки?

Интересно, а когда Лисандра собирается там жить? Наверное, в те промежутки, когда ей не надо будет находиться в Оринфе, в чужом обличье, с чужой короной на голове. Правда, она как-то забыла, что Эдион в случае чего может ей понадобиться для продолжения королевского рода. Как племенной жеребец породы Ашерир.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ	13
Часть 2. БОГИ И ВРАТА	539